

проголодавшегося стада была успешно отбита.

Сколько ушло на это времени — час, полтора — я не знал, поскольку — вот раззява! — и часы на коричневом ремешке за-был дома. Но солнце уже стояло в зените, нещадно палия и палия. Воздух прогрелся настолько, что, словно разваренный кисель, стал тягуч, вязок, вдыхался с трудом. От бешеной беготни меня сильно прошиб пот, струясь по лопаткам, обжигая солью ссадины, заставляя глаза слезиться. Сердце билось с силой, часто, ухая напряжённой кровью в висках. Горло напрочь пересохло, и нестерпимо сильно хотелось пить. Я внимательно посмотрел вокруг и в большой выбоине увидел мутную, ещё не успевшую отстояться лужу. Тяжело ступая, подошёл, упершись о грунт дрожжащими руками, припал сухими губами к тёплой и потому противной влаге. Всё же через силу сделал несколько глотков и почувствовал, что жажда стала понемногу отступать. Однако Мухтар, то ли оттого, что ещё был полон свежих сил, то ли побрезговал лакать, можно сказать, болотную жижу, не последовал моему примеру, даже, — вот наглец! — высоко вскинув морду с стоящими острыми ушами, отвернулся в сторону.

Переведя дыхание, я, с надеждой найти хоть какое-нибудь укрытие от палящих лучей, стал смотреть вокруг, но заметил неподалёку лишь небольшой кустик с редкой, свернувшейся в трубочки листвой. Он отбрасывал такую слабую маленькую тень, что только собаку и мог приютить. С усилившейся жарой, будто враз проснувшись, пёстрые оводы и сплетни стали, как угорелые, угрожающе жужжа, летать вокруг меня, норовя ужалить в открытые части тела. Я попытался отмахиваться от них руками, а самых наглых, умудрившихся с лёту вонзить больно своё жало в меня, прихлопнуть ладонью. Напрасно! Тогда я подошёл к кусту и с сожалением — о, да простит меня природа! — отломил несколько самых длинных веток, сложил их в пучок и, размахивая им, стал успешно отбиваться от зверевших насекомых. А бедный Мухтар, тоже сильно донимаемый ими, наивно пытался открытой пастью схватить хоть одного обидчика, да только впуская лязгал клыками.

Отогнанное стадо ещё больше расплозлось по пастбищу и, дойдя до его конца, упирившегося в тёмно-зелёный густой ельник, развернулось и решило с другого края прорваться на поле. Только в этот раз бык, видно, хорошо помня болочные удары моей сучковатой палки, не возглавлял набег, а не спеша, с опаской поглядывая в мою сторону, брёл сзади стада. Я вскочил на ноги и с места, как старгую на уроках физкультуры на сто метров, пулей понёсся к коровам. Подбежав к первой, угрожающе взмахнул палкой, но она лишь шаркнула в сторону. То же произошло и со второй, и с третьей, хотя Мухтар, не дожидаясь моей команды, делал своё собачье дело — с громким лаем набрасывался на, казалось, ничего не понимающих животных. Но все наши усилия сводились лишь к тому, что мы только сдерживали их, так и не утоливших голод, но не отгоняли обратно на пастбище. На мгновение-другое я растерялся! Да и как было не растеряться, когда понимал, что бегать в бешеном темпе смогу не больше нескольких десятков минут. Но тут я увидел лежавшие в беспорядке на краю пастбища увесистые бульжники-камни, видимо, оставшиеся от растаявших льдин, которые вдавили их в себя, когда, увлекаемые паводковой водой, утюжили берег. «Вот так удача!» — успел подумать я и тотчас стал не целясь бросать бульжники в коров, тем не менее попадая им то в голову, то в туловище. В горячке защиты капустных посадок мне удалось обрушить на животных такой град природных увесистых снарядов, что они всё же дрогнули — стали разворачиваться и с опущенными выями без оглядки убираться восвояси, не солоно хлебавши. От такого радостного зрелища я вместо того, чтобы с облегчением глубоко вздохнуть, вдруг почему-то почувствовал во всем теле такую сильную усталость, словно меня напрочь придавили огромной гранитной плитой.

Невольно я опустился на поросшую свежей травой землю, прерывисто дыша и утирая полой рубашки обильный пот со лба. Однако Мухтар — вот какой молодец! — и без меня своим грозным лаем подгонял коров до тех пор, пока они не добежали к присоединившимся к ним быком до самого противоположного края пастбища! «Господи! — прошептал я, — неужели и в этот раз удалось выстоять?!».

То ли от мысленного перенапряжения, то ли от лютой жары, но моя голова буквально раскалывалась на части. Подташнивало. И снова страшно захотелось пить. Всё из той же лужи, правда с водой немного отстоявшейся и потому заметно посветлевшей. Утолив жажду, я посмотрел на небо: солнце наконец-то начало свой спуск, словно спасительно говоря мне, что время рабочего дня на исходе. Но это ничуть не обрадовало, поскольку я знал, что хозяева за своими бурёнками раньше восьми часов вечера не придут. То есть примерно часа через полтора-два. Ох, как не скоро! Будто через целую вечность!..

Значит надо было готовиться к отражению третьей, а может быть, и четвёртой атаки животных на ставшие для меня чуть ли не родными капустные посадки. Во что бы то ни стало надо! Но где для этого взять свежие силы? Как, умывшись, не сказать каким по счёту солёным потом, сохранить в юной душе хотя бы половину природного духа? И тут мне вспомнился Николай Островский, легендарный человек, ещё совсем молодой, обречённый неизлечимой болезнью на медленное умирание. Может быть, понимая это, как ни один из врачей, борющихся с его недугом, он, в жажде остаться до конца полезным обществу человеком, пока мог держать в неотвратимо сковывающейся ревматизмом руке карандаш, начал писать роман о своём героическом поколении, неслучайно назвав его «Как закалялась сталь» А когда рука отказала, он, тяжело страдающий от страшной боли, неумолимо сплывший, стал свой текст диктовать час за часом, день за днём, словно в боевой молодости на полях сражений за светлое будущее трудового народа отвоевывать пядь за пядью родной земли, одерживать одну победу за другой... В итоге титанического труда им был совершён ещё один, скорей всего, самый главный в его жизни подвиг — писательский, подаривший грядущим, подрастающим поколениям неповторимый пример стальной воли и несгибаемости железного характера.

«А ты? — стал говорить я с собой. — Вполне здоровый человек, с крепкими руками и ногами, пусть и сильно утомившийся от многочасовой беготни, непрестанных раздражающих горло криков, нещадно палиящего солнца, готов нини распустить... Не стыдно?». И мне, как никогда, действительно стало стыдно за минутную слабость, да так, что душа, словно от прилива больших сил, пружиной сжалась до предела, и я понял, что порученную работу с честью выполню сполна, не ударю в грязь лицом ни перед любимым отцом, ни перед светлой памятью писателя-борца Николая Островского! Не хватил оставшихся сил, тотчас призову на помощь волю, зря что ли с самого детства я кую и кую её трудом на поле, на скотном дворе, на сенокосе, в спорте — всюду, во всех испытаниях, которые судьба мне с великой щедростью нарезает с жизненного каравая.

Мухтар решил, что отогнал строптивое, а верней, полуголодное стадо на безопасное расстояние, побегал назад. У лужи остановился, посмотрел на меня, словно спрашивал можно ли пить, и не дожидаясь ответа, немного полакал. «Да, видать, беготня на жаре и выносливого пса основательно притомила, вызвала сильную жажду, перетерпеть которую оказалось, ох, как непросто...» — с жалостью подумал я о своём верном псе. И когда Мухтар, подбежав, сел рядом со мной с вывалившимся языком, жадно хватая прогретый до звона воздух открытой пастью, тяжело вода боками, я стал ласково и благодарно гладить его по взмокшей спине, приговаривая: «Друг ты настоящий — верный! Когда вырасту и пойду служить в армию, то обяза-

тельно попрошусь в пограничные войска. Если возьмут, то и тебя непременно заберу с собой, чтобы с твоей немалой помощью, как знаменитый пограничник Никита Карачупа со своим неутомимым питомцем — овчаркой Индус, успешно задерживать диверсантов! Потерпи только, ну совсем немного осталось...».

Как бы через силу, словно нехотя приближавшийся вечер — хоть расклеванное солнце на закате и продолжало пылать — всё же нёс спасительную долгожданную прохладу. И сразу, словно по чьей-то строгой команде, куда-то враз исчезли жалиющие насекомые, но им на смену прилетели кровососы — комары. Они тучами стали набрасываться на меня, так противно зудя, что хоть затыкай пальцами уши. Казалось, единственным спасением от них мог бы оказаться бег вдоль поля — туда и обратно. Но на это требовались силы, которые надо было беречь для отражения ещё одной атаки коров. И вдруг меня осенило: «Лучшая защита, как говорит отец, это нападение! Вот я с Мухтаром и пойду вслед за стадом, чтобы его, завершившего очередной круг напротив Подмогильника, запереть, а лучше — вообще выдавив с пастбища, прогнать по улице: любая корова мимо своего двора не пройдёт... По личному опыту знаю!»

Однако ничего этого делать не пришлось. Когда сопровождаемое мной стадо дошло до жердевой изгороди, огораживавшей пастбище со стороны красавицы Лены, я увидел несколько сельчан, неспешно спускавшихся с Подмогильника по направлению к стаду. Среди всех выделялся своим высоким — под два метра! — ростом плечистый мужик. Одетый в синюю клетчатую ситцевую рубашку, парусиновые тёмные брюки и почему-то в кирзовых сапогах, с непокрытой головой. Через плечо у мужика была перекинута увесистая, длинная железная цепь, звенья которой при каждом шаге слегка позвякивали. Вглядевшись острее, я сразу узнал в нём Семёна Ивановича Петрова, вот уже на протяжении многих лет работавшего на совхозной ферме старшим скотником, в обязанности которого входил уход за племенными быками. Любимой другой, не обладающей его огромной природной силой и стальным характером, вряд ли смог бы управляться с этими строптивыми, своенравными животными.

Судьба свела нас в прошлом году, в самом начале лета, когда я был по разрядке определён к нему помощником для перегона совхозного скота на лошадах, за долгую, растянувшуюся аж на восемь месяцев зиму, притомившегося в стойлах, на летник. Находился он в семнадцати километрах вверх по течению Лены от центральной усадьбы отделения, на высоком круто лобастом песчаном берегу-кургане с добротными, рубленными ещё до войны в лапу избами под тёсовыми крышами, отапливаемыми печами, ладно сложенными из кирпич-сырца, с небольшими окнами с двойными рамами, но выходящими на величественную Лену. Ещё лет десять назад это был добротный колхоз с обширными пастбищами, картофельными полями вдоль небольшой таёжной речки Боровой и с огромным сенокосным аласом, на котором всего за июнь выросло сочное, густое и высокое — до пояса! — разнотравье, среди которого поспел, словно подхваченное порывистым ветром костровое пламя, своим фиолетово-малиновым цветом иван-чай. Со временем большую часть изб перевезли в центральное отделение совхоза, некоторые же просто растащили, а в оставшихся в летнее время жили доярки со скотниками-пастухами, а в зимнее — находили временный приют бывалые охотники за белкой, соболем и горностаем. С устройством сильными морозами ледовой переправы, перебравшись на другой берег, глухой, таёжный они промышляли и сохатого, да и медведя не боялись поднять из берлоги.

На конюшне нам выдали лошадей. Мне достался конь чёрной масти, статный, с толстыми, как у тяжеловоза, ногами, с норовом, дико косящий враждебно взглядом, с шумом раздувавший широко ноз-

дри. Порой он даже недовольно храпел и всё норовил укунить за плечо или лягнуть задним копытом. В общем, держать ухо надо было востро. А дяде Семёну конных передал из рук в руки якутскую низкорослую, но очень выносливую лошадь с длинным хвостом-метёлкой, с густой и жёсткой, как щётка, гривой. Она мне очень напоминала конька-горбунка из знаменитой сказки Ершова. Обе лошади оказались с потрескавшимися за зиму копытами, на которых кованые подковы болтались. Дядя Сеня решил, что в таком случае лошади к работе непригодны — и мы повели их в кузницу. Там здоровенный кузнец в брезентовом длинном фартуке с сильными руками-клещами сначала в специальном, сделанном из крепких деревянных брусьев станке при помощи широких, напоминавших подруги, крепких лент поднял коней на такую высоту, чтобы они беспомощно повисли, потом, сняв разболтавшиеся подковы, специальным ножом ловко обрезал, словно подстриг ногти, концы копыт, подогнал к ним новые подковы, накрепко прикрепив их клинообразными гвоздями. И был так доволен своей мастерской работой, что, сняв верхонки, крепко потёр руки.

— Ну мужики! — весело сказал он нам на прощанье, — теперь можете смело скакать хоть в градопад, хоть в грозовой ливень!

— За что и благодарствуем! — весело ответил ему дядя Сеня.

Перегонять скот начали сразу же после утренней дойки по грунтовой от прекратившегося лишь к рассвету ливня с глубокими лужами дороге, петляющей по сосновому лесу вдоль высокого, обрывистого берега ленской протоки. На девятом километре резко повернули влево и, преодолев длинный, в самом начале с крутым взлобком спуск, оказались на низком со сплошным галечником берегу, от которого, вдавшись довольно далеко в лес, простиралась аж до самой реки Боровинки поляна, местами поросшая редкими кустами боярышника да тальника. Земли в самом её начале, с неглубоким, но очень вязким на дне озером, принадлежали местному сельпо, там под приглядом его работников летом нагуливали сало свиные количеством не менее трёхсот голов, отводя душу, полёживая в береговой озёрной жирной грязи. Дальше на три-четыре километра земли были отданы частникам для заготовки сена для своих бурёнок и лошадей.

Всю дорогу гонимые нами совхозные коровы, возглавляемые несколькими быками, двигались послушно — плотным гуртом. Однако почти в самом конце нас ожидала преграда в виде всё ещё не вошедшей после паводка в свои берега Боровинки. Ситуация осложнялась ещё тем, что могучая Лена, не прогревавшаяся даже в самый жар лет выше пятнадцати градусов, подбирала речку, своими холодными водами, не давая ей прогреться от жарких солнечных лучей, мощным потоком лившихся с голубых, высоких, почти безоблачных небес. Коровы с быками, привыкшие с конца весны переплывать Нюйскую речку-старичу — туда и обратно — ежедневно, чтобы пасти на острове до перегона на летник, сами сходу вошли в Боровинку и, двести с лишним метров водной преграды преодолев быстро, словно на одном дыхании, стали разбредаться по противоположному берегу, кормясь свежей, сочной, вошедшей в дружный рост травой, в солнечных лучах казавшейся изумрудной.

Я соскочил с лошади, подошёл по гальке к речной кромке, опустил руку в воду и, почувствовав, как пальцы обожгло леденящим холодом, вопросительно-тревожно посмотрел на дядю Сеню. Он тоже спешился и, перехватив мой тревожно вопросительный взгляд, ответил:

— Ничего не поделаешь! Ждать какую-нибудь оказию в виде моторной лодки у нас с тобой, Ваня, времени нет. Скот вон уже как по всему берегу разбрёлся. Промедлим минут двадцать — он дойдёт и до леса или вообще через него на покосы лопанётся! Знай потом его собирать, хорошо, если на это дело день-два уйдёт, а то ведь можем и целую неделю промаяться! А очередная вечерняя дойка уже через час!